

Я БЫЛ студентом Театрального института, готовился стать режиссером драматического театра. В те студенческие годы все мои мысли были отданы драматическому театру, никаких особых интересов и пристрастий, связанных с балетом, у меня не было. И вот тогда случилось событие, которое повлияло на всю мою жизнь.

Это было в Ленинграде, в Театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Я сидел на самом верхнем ярусе, на галерке, у самой люстры. Шла «Жизель». Танцевала Уланова. Я видел ее первый раз в своей жизни. У меня по лицу текли слезы, и я был счастлив. Я до сих пор счастлив, что был моей юности этот вечер, что шла «Жизель», что в ней танцевала Уланова. Я счастлив, что с этого вечера не пропустил ни одного ее спектакля в Ленинграде, а потом в Москве, в Большом театре. Ни одного...

Вернувшись домой, я попытался описать свое впечатление. В ту пору я ничего не понимал в балете, имел весьма смутное понятие о том, что такое фузете, и не знал, что поза, так пленившая меня в «Жизели», называется арабеском.

Но так или иначе это была моя первая запись после спектакля Улановой. Ее опубликовали в журнале «Театр»; не знаю почему. Очевидно, подкупила искренность. Той же искренностью, наверное, она привлекла внимание читателей: мне писали незнакомые люди, не меньше меня любившие Уланову.

**

Она выходила на сцену тихо, как бы не замечая зрителей, словно смущенно потупившись. В ее танце не было наступательного задора, внешней энергии. Она как будто ни на что не претендовала, но именно эта застенчивая замкнутость, сосредото-

8 января исполняется 75 лет народной артистке СССР лауреату Ленинской и Государственных премий СССР, дважды Герою Социалистического Труда, всемирно известной балерине Галине Сергеевне Улановой.

Издательство «Искусство» только что выпустило книгу Б. Львова-Анохина «Галина Уланова», с некоторыми страницами которой мы знакомим читателей.

ИСКУССТВО ГАЛИНЫ УЛАНОВОЙ

ченность заставила всех признать исключительность ее индивидуальности.

«Музыка не забвение, не обман и не опьянение, она — откровение», — говорил Чайковский. Для Улановой музыка всегда — откровение. Вслушиваясь в мелодии исполнемых партий балетах Чайковского и Прокофьева, она словно постигала скрываемый смысл жизни, проникала в глубину человеческого сердца. Она умела отозваться на самые тонкие гармонические оттенки музыки. Не только ритмический рисунок танца, но и почти неуловимая игра рук, кисти или просто взгляд, пауза, наклон головы, самое содержание ее душевных движений — все это рождалось из музыки, отражало ее во всей полноте и сложности.

Драматическая выразительность Улановой — это нечто гораздо большее, чем так называемый мимический дар, мимическая выразительность, которые довольно часто встречаются в балете.

Много лет танцевала Уланова Джультетту, но всякий раз, когда с лица Ромео падала маска и она, пораженная, останавливалась, вам казалось, что Уланова видят

его лицо впервые, что именно сейчас, на ваших глазах происходит это чудо зарождения любви.

Говорить о технике Улановой очень трудно. Даже профессионалы забывали свою эрудицию, увидев ее танец. «Я не могу даже пытаться говорить о танце Улановой, это настолько великолепно, что я не нахожу слов», — сказала после «Ромео и Джуллетты» знаменитая английская балерина Марго Фонтейн.

Во время гастролей Улановой газета «Таймс» утверждала, что говорить о технике Улановой «было бы просто непочтительно и неуместно».

Замечательная классическая танцовщица Уланова — это не только балерина Чайковского, воплотительница Жизели, но и актриса, доказавшая плодотворность и правомерность поисков советского балета, возможность «перевода» на язык танца, понятный каждому, произведений самых великих поэтов и драматургов. Уланова — актриса, сумевшая в балете рассказать о судьбе женщин различных эпох, стран и характеров.

Мы — самые везучие люди на свете, потому что с первых же наших шагов на сцене Большого театра нам посчастливилось быть рядом с Галиной Сергеевной Улановой. В первые два года нам доводилось танцевать с ней в одних спектаклях. Это были особые спектакли. То, что на сцене Уланова, действовало гипнотически. Она не предъявляла каких-то требований, но само ее присутствие невольно подтягивало, ко многому обязывало. А потом, когда она стала педагогом-репетитором, вдруг сказали: «С Максимовой Жизель будет готовить Уланова». Это было, как ни странно, скорее страшно, чем радостно. Как перед ней — неповторимой Жизелью — представить себя в той же партии? Как будет горько обмануть ее ожидания! Вот о тех самых пор, когда она так щедро согласилась передать одну из своих лучших ролей совсем еще неопытной артистке, и началась ее постоянная работа с нами. Конечно, Галина Сергеевна прежде всего репетитор женских партий.

Но, так или иначе, она с нами обоими работала, потому что начала вести и репетиции мужских монологов. С ней подготовлены Ромео, Иван Грозный, Икар... Она работает с нами и сегодня...

Екатерина МАКСИМОВА,
Владимир ВАСИЛЬЕВ.